

С. Я. ТИУНОВ

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Я попал в Самару в первых числах мая 1917 г. вместе с 133-м запасным пехотным полком, который был переведен сюда из Тоцких лагерей. С первых же дней революции я был избран председателем Совета солдатских депутатов полка и в то же время председателем гарнизонного Совета Тоцких лагерей. В партию большевиков я вступил еще в 1916 г., когда наш полк временно стоял в Самаре. Ввела меня в организацию старая большевичка Мария Оскаровна Авейде. В Тоцком мне удалось организовать группу депутатов в 40 человек, сочувствующих большевикам. В нее входил из офицеров, кроме меня, еще прапорщик Мельников, бывший студент физико-математического факультета, по специальности астроном. Я получил производство в офицеры только после Февральской революции и благодаря ей, потому что командование считало меня неблагонадежным.

Партийцы 133-го полка составили основное большевистское ядро Самарского гарнизона. А гарнизон был тогда многочисленным. Он состоял из пяти пехотных запасных полков: 102-го, 103, 130, нашего 133-го и 143-го. Кроме того, в его состав входили 4-й запасный

Тиунов Сергей Яковлевич (р. 1894) — бывший рабочий, в 1916 г., находясь в армии, вступил в партию. После Февральской революции — один из руководителей военной организации большевиков в Самаре, в Октябрьские дни — член ревкома, затем председатель коллегии по формированию Красной Армии. В период обороны Самары от белочехов — член чрезвычайного штаба. В настоящее время — пенсионер.

саперный полк и 3-я запасная артиллерийская бригада. Общая численность гарнизона составляла около 70 000 человек.

Наиболее революционными были пехотные полки. На их ротных и полковых собраниях выносились большевистские резолюции, они выбирали большевиков в полковые комитеты и в Совет солдатских депутатов. К этой группе примыкала почти половина 3-й артиллерийской бригады и некоторые роты 102-го и 130-го полков. 4-й саперный полк, кроме двух рот, в которых мы пользовались влиянием, был настроен эсеровски. Остальные части, бывшие ареной упорной борьбы за влияние между нами, с одной стороны, и меньшевиками и эсерами, с другой, постепенно спланивались вокруг большевиков.

С переездом в Самару я сразу же обратился в городской комитет партии и стал вести активную работу не только в воинских частях, но и в гражданской партийной организации.

Помню объединенное собрание Городского и Железнодорожного районов, состоявшееся 17 июня, на котором присутствовало 200 человек и председательствовал В. П. Мяги. Здесь был заслушан доклад товарища Куйбышева о VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков и произведены выборы делегатов на губернскую партийную конференцию. К этому моменту я уже настолько активно участвовал в общепартийной работе, что был избран и в состав президиума собрания и в число двадцати делегатов губернской конференции.

Летом уже вполне организационно оформилась военная группа. На собрании, состоявшемся 8 июля, было избрано бюро. Председателем его пришлось работать мне, секретарем был избран прапорщик Михаил Галактионов. Были приняты меры для распространения в войсках наших партийных газет: «Правды», «Окопной правды», «Приволжской правды». Если на первом собраниях было всего 50 человек, то на втором, состоявшемся через пять дней, это число выросло до 150 человек.

Под влиянием нашей упорной агитации солдатская масса поняла весь вред соглашательской политики президиума Совета солдатских депутатов, в котором господствовали народные социалисты, эсеры и меньшевики.

Поэтому нам сравнительно легко удалось добиться перевыборов президиума гарнизонного Совета солдатских депутатов и одновременно сменить руководство редакции ежедневной гарнизонной «Солдатской газеты». Председателем президиума Совета был избран поэт солдат Михаил Герасимов, интернационалист, незадолго перед тем вышедший из общей организации с меньшевиками и вступивший в нашу партию. Товарищем председателя избрали меня. Мы оба редактировали «Солдатскую газету».

Но бюро военной организации признало, что для полного и прочного завоевания гарнизона необходимо организовать первичные ячейки во всех воинских частях. Одному из членов губкома партии — Ю. К. Милонову предложено было прочесть ряд лекций в воинских частях. Этими лекциями мы и пользовались для выявления и организации наших единомышленников. Работа по организации гарнизона на платформе нашей партии была завершена уже в первых числах Октября изданием военной партийной газеты «Солдатская правда», в редакции которой работал я вместе с товарищами Масленниковым и Милоновым.

Мы, большевики-военные, принимали активное участие и в таких общегражданских политических кампаниях, как выборы в Учредительное собрание и в городскую думу. Солдат Николаев и я были выделены губкомом партии в состав избирательной комиссии. Комиссия по проведению выборов в городскую думу, состоявшая в большинстве из меньшевиков и эсеров, опасаясь влияния нашей партии среди солдат, попыталась устранить от выборов около трети Самарского гарнизона. Здесь мне, как представителю Совета солдатских депутатов, пришлось накануне выборов послать телеграмму в Министерство внутренних дел с требованием назначить дополнительные выборы.

Выборы в Учредительное собрание состоялись уже после Октябрьского переворота, 25 ноября. Эсеры вместе с другими мелкобуржуазными партиями получили по Самарской губернии 862 846 голосов, тогда как за большевиков голосовало 195 132 человека, т. е. около 19 процентов. Только в самом г. Самаре наша партия собрала 42 процента голосов.

Судя по тому, что такой же процент голосов наша партия собрала в середине октября при выборах в го-

родскую думу, можно полагать, что это отражало действительное соотношение сил.

На городской думе стоит остановиться особо. Выборы, состоявшиеся в августе, были признаны недействительными по той именно причине, которая заставила меня послать телеграмму протеста в Министерство внутренних дел: значительное число граждан и, в частности, солдат во время выборов было фактически лишено избирательного права. Новые назначили на 27 сентября (7 октября), и они дали совершенно другие результаты. Об этом красноречиво говорят следующие цифры:

	Августовские		Октябрьские		Увеличение числа голо- сов
	Число голосов	%	Число голосов	%	
Большевики	4 865	19	20 318	40	15 453
Максималисты-эсеры . .	1 829	7	2 526	5	697
Правые эсеры	13 844	55	18 956	37	5 112
Меньшевики	1 407	6	1 497	3	90
Кадеты	3 262	13	7 560	15	4 298
Итого: . . .	25 207	100	50 857	100	30 650

Таблица показывает, как в процессе развития событий росло влияние нашей партии и падало влияние наших политических противников. При этом теряли своих сторонников главным образом промежуточные группы: соглашательские партии меньшевиков и эсеров.

Сам Октябрьский переворот произошел в Самаре бескровно. На объединенном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была принята предложенная большевиками резолюция:

«Собрание заявляет, что демократия находится в положении борьбы с правительством и будет стремиться к его низвержению. Все распоряжения правительства и его агентов признаются недействительными. Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов. Признавая единственной властью и на местах Советы рабочих, солдатских и крестьянских де-

путатов, собрание избирает из своей среды революционный комитет, который, опираясь в своей деятельности на Советы..., обладает неограниченными полномочиями в сохранении революционного порядка и организации сил самарской демократии в борьбе с правительством и контрреволюцией».

Меньшевики предложили свою резолюцию, она признавала необходимым «создание единого органа революционной демократии, облеченного всей полнотой власти, в состав которого должны войти как представители Советов, политических партий, так и представители органов демократического управления и других демократических организаций».

Наша резолюция собрала 441 голос, в то время как меньшевистская — всего 140 голосов.

Таким образом, было совершенно очевидно, что самарский пролетариат и гарнизон идут за нами.

На этом заседании был избран ревком. В первоначальный состав ревкома вошли три большевика: В. В. Куйбышев, М. П. Герасимов и С. Я. Тиунов; два социал-демократа интернационалиста: штабс-капитан П. П. Митрофанов и С. Н. Васильев и максималист В. А. Кузьмин.

Потерпев поражение в Совете, меньшевики и эсеры пытались создать противостоящую ревкому организацию, опираясь на городскую думу, где враждебные нам партии имели около 63 процентов состава. Бывший комиссар Временного правительства эсер С. А. Волков предложил избрать так называемый «комитет общественной безопасности», в состав которого вошли: шесть эсеров, впоследствии ставших активными деятелями Самарского комитета членов Учредительного собрания (Комуча), и один меньшевик.

Не желая принимать участия в обсуждении этого вопроса, большевики и максималисты демонстративно ушли с заседания. Избрав комитет уже после ухода наших товарищей, дума поручила ему войти в соглашение с комитетом народной власти — органом свергнутого правительства Керенского, об образовании губернского комитета общественной безопасности. Вот это и было началом настоящей борьбы.

Комитет общественной безопасности выпустил воззвание, призывающее к неповиновению ревкому, которое, конечно, было немедленно нами конфисковано.

Ревком же, наоборот, опубликовал воззвание к гражданам о переходе в Самаре власти к Советам.

На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся 11 ноября (28 октября), были заслушаны доклады Н. М. Шверника и П. С. Борисова, приехавших из Петрограда, и доклад Куйбышева о деятельности ревкома. Наши противники выступали с резкой и злобной критикой. Меньшевики выдвинули лозунг однородного социалистического министерства, а эсеры требовали передачи всей власти Учредительному собранию. Однако они обнаружили крупные разногласия в своих собственных рядах. От имени «меньшинства эсеров» была оглашена декларация, в которой говорилось: «Расходясь в вопросах тактики с большевиками, мы в данный момент считаем, что с одной стороны борется пролетариат, а с другой — Каледин и его единомышленники. Мы не допустим изоляции революционной демократии. Мы пойдем с большинством, сгруппировавшимся вокруг Советов, и будем бороться за правительство из представителей социалистических партий».

После всех этих прений Совет признал, что «организация так называемого комитета общественной безопасности со стороны кучки противников передачи власти Советам является попыткой дезорганизовать революционные массы Самары, желанием противопоставить их друг другу и довести их до гражданской войны» и потребовал от ревкома «энергичной борьбы со всеми дезорганизаторскими выступлениями врагов Советской власти».

В своей борьбе против ревкома эсеры использовали созванный советом крестьянских депутатов 4-й крестьянский губернский съезд. На нем развернулась ожесточенная борьба. На каждое выступление в прениях бурно реагировала присутствовавшая на хорах публика, состоявшая главным образом из солдат, т. е. преимущественно тех же крестьян, только в военных шинелях. Выступления эсеров Волкова, Панюжева, Позднякова, Тюрникова и других солдаты на хорах встречали криками «долой!» Наоборот, речи представителей ревкома Теплова, Масленникова, а также делегата совета крестьянских депутатов Алашаева в защиту власти Советов встречали одобрительными возгласами и аплодисментами. Несмотря на требование президиума, шум на хорах продолжался, и руководители съезда при-

нуждены были закрыть заседание и принять решение, чтобы на следующее постороннюю публику не пускать.

Эсеры одержали на съезде победу. Их резолюция о немедленной замене Советской власти властью Учредительного собрания собрала около 300 голосов, в то время как за нашу резолюцию голосовало всего 30 человек, а за резолюцию левых эсеров — 15.

На одном из следующих заседаний мы предложили пересмотреть это решение, однако, 238 голосами против 136 наше предложение было отклонено. Но новое голосование показало, что нам удалось привлечь на свою сторону более 100 делегатов.

Тем не менее 20 декабря руководители крестьянского съезда устроили манифестацию под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» В ней приняли участие чиновники, служащие, учащиеся, торговцы, приказчики и печатники и некоторые солдаты. Она направилась к помещению, где заседал собравшийся накануне 1-й губернский съезд Советов.

Депутация от манифестантов явилась на заседание и потребовала освобождения капиталистов, арестованных за то, что они отказались реализовать предложенный им пятимиллионный заем. Съезд подавляющим большинством голосов отказался удовлетворить это требование. После этого с внеочередным заявлением выступил представитель 4-й батареи и 52-го мортирного дивизиона и 1-го парка дивизиона, который заявил, что, услышав о манифестации, солдаты этих частей пришли с оружием в руках на поддержку Советов и не позволят нарушить волю съезда. После этого депутация покинула заседание, а пришедшие в ее составе солдаты демонстративно вышли из нее и остались на заседании съезда.

Губернский съезд Советов показал, что большинство рабочих, солдат и крестьян губернии идет за нашей партией. Из 50 делегатов 31 человек — большевики; два — беспартийные, сочувствующие большевикам; три — примыкали к максималистам; семь — к левым эсерам; один — к социал-демократам интернационалистам. Правых эсеров было всего два, меньшевиков — один и беспартийных — три.

Начинала назревать гражданская война. 13 декабря был убит выстрелом дежуривший у входа в Белый дом, где помещался ревком, красногвардеец рабочий Трубочного завода большевик М. С. Степанов. 17 де-

кабря из сада у городского театра снова был обстрелян часовой, 28 декабря в 1 час 30 минут ночи во время заседания ревкома и вновь избранного губернского исполнительного комитета Советов был произведен взрыв в Белом доме. Была разрушена на протяжении 6—8 метров стена, начался пожар. При взрыве было убито шесть человек и до тридцати человек ранено. В числе раненых был и я. Когда мы выбрались из горящего здания, нас обстреляли со стороны Струковского сада, не причинив, однако, никаких потерь. На другой день в 3 часа ночи ревком обстрелял опять-таки из Струковского сада, в новом помещении — доме Наумова, куда он перебрался после взрыва. В ту же ночь группа в 150 вооруженных произвела налет на штаб милиции.

Все это было делом рук группировавшегося около партии эсеров контрреволюционного офицерства.

Для того чтобы прочно завоевать влияние среди крестьянства, губернский комитет партии и губернский исполнительный комитет Советов послали на места большую группу агитаторов, что сказалось на составе нового крестьянского съезда, созванного 25 января. Он переизбрал прежний исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов и завершил объединение с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Мне пришлось работать в составе губернского исполнительного комитета, избранного 1-м съездом Советов. В нем было 14 большевиков, четыре максималиста, три левых эсера и три беспартийных. Председателем его являлся В. В. Куйбышев, товарищами председателя — М. П. Герасимов и А. Г. Самсонов. Я и товарищ Батющенко были секретарями. Губисполком выделил ревком из семи лиц, в состав которого, кроме президиума, перечисленного мною выше, входили еще товарищи: П. П. Кузьмин, А. П. Галактионов и А. В. Зуев.

Работать приходилось в очень напряженной обстановке. В течение декабря саботировали почтово-телеграфные и банковские служащие. Подняло голову кулачество. Стала проявлять антисоветскую активность церковь. Эсерам Климушкину, Брушвиту, Фортунатову и Ткачукову удалось к концу февраля приобрести влияние в саперном полку.

Начались выступления оренбургского казачества, атаманом которого был Дутов. 4 декабря ревком послал

против дутовцев целую экспедицию, во главе которой были поставлены товарищи В. К. Блюхер и А. П. Галактионов. 14 декабря под Оренбург был направлен отряд в 600 человек красногвардейцев с пятнадцатью орудиями и прислугой. 19 декабря мы отправили 51-й и 52-й мортирные дивизионы.

В это время из солдат 133-го и 143-го полков старой армии был сформирован 1-й полк революционной армии. Мне пришлось участвовать в формировании этого полка, который с момента организации Красной Армии стал 1-м Самарским полком Красной Армии. Моими ближайшими сотрудниками в этом деле были товарищи И. К. Чуйков и А. Ф. Шапошников. Целый батальон этого полка в феврале был отправлен против дутовцев.

В феврале 1918 г. начались расхождения с нашими союзниками в дни Октябрьского переворота — с максималистами, а затем левыми эсерами. Особенно резкие разногласия вызвало отношение к войне и Брестскому миру. Максималисты и левые эсеры выступали как противники его заключения. Даже в нашей партийной организации некоторое время господствовала точка зрения «левых коммунистов». Небольшой группе товарищей, во главе которой стоял А. Х. Митрофанов, и к которой примыкал я, удалось добиться победы ленинской точки зрения. Большинством двадцати восьми голосов при трех воздержавшихся губернский съезд партии 28 марта принял предложенную товарищем Митрофановым резолюцию, которая говорила: «3-й Самарский губернский съезд РКП(б), обсудив вопрос о текущем моменте, присоединился к резолюции VII съезда нашей партии и вполне одобряет политику Совнаркома в вопросе о войне и мире».

Разногласия с максималистами по продовольственной политике начались с того, что они разработали проект «декрета», который вместо осуществления установленной Советским правительством хлебной монополии предлагал конфискацию скрытых промышленных товаров и организацию товарообмена между городом и деревней, производимого на ссыпных пунктах. 20 февраля 1918 г. максималистам удалось провести этот «декрет» на заседании губисполкома. А когда представитель горисполкома и фракция большевиков губисполкома заявили, что будут препятствовать проведению его

в жизнь, пока он не будет обсужден пленумом Совета, максималисты заявили о сложении с себя должностей членов продовольственного комитета.

Этот конфликт продолжался и на 6-м губернском съезде Советов, который происходил с 14 по 26 марта. Здесь, опираясь на крестьянское большинство, максималисты провели направленную против нас резолюцию о том, что при организации власти на местах «не должно быть засилья партии», и постановили увеличить число членов губисполкома до 125 человек, предоставить $\frac{1}{3}$ мест рабочим и $\frac{2}{3}$ — крестьянам. Мы долго боролись за предоставление нам половины мест, но ничего добиться не смогли.

Попытки доказать крестьянам, что надо выбирать по фракциям и распределять места в исполкоме и в президиуме пропорционально числу полученных каждой фракцией голосов, не имели никаких успехов. Они упрямо шли за максималистами, настаивавшими из фракционных соображений на системе распределения мест по усмотрению абсолютного большинства собрания. По этому же принципу было решено сформировать и президиум вновь избранного губисполкома. Максималисты предложили сконструировать его в составе девяти человек: семи представителей от уездов и двух представителей от г. Самары. Таким образом, наше участие произвольно снизили с 33 процентов до 22 процентов. Мы отказались участвовать в выборах, к нам присоединились левые эсеры, и максималисты были предоставлены самим себе. При избрании в председатели их руководителя А. Я. Дорогойченко¹ за него было подано тридцать голосов при десяти воздержавшихся и двадцати девяти не участвовавших в голосовании. Он сам почувствовал ложность своего положения и предложил постоянного председателя не избирать, а делать это на каждом заседании.

Особенно крупный конфликт нашей партии с максималистским губисполкомом произошел 7 апреля, когда он начал «пересматривать» аппарат губернского управления, создавая в каждом комиссариате коллегии. Конфликт этот возник из-за военного комиссариата, которому навязывали коллегию из девяти человек: семь представителей уездов, один — от рабочих г. Самары

¹ А. Я. Дорогойченко впоследствии порвал с максималистами и вступил в Коммунистическую партию.

и один — от Красной Армии. После того как наше предложение о том, чтобы комиссариаты были сохранены в прежнем составе и с прежней структурой было отвергнуто, мы, а вслед за нами и левые эсеры покинули заседание.

Образованная губисполкомом «Коллегия революционной армии» 12 апреля сделала попытку устроить совещание из представителей всех находившихся в городе вооруженных отрядов: максималистских дружин, матросского анархистского отряда, явившегося в Самару по собственному почину, и продовольственного отряда анархиста Кудинского, тоже прибывшего из центра.

Мне, бывшему тогда кроме всего прочего членом старой коллегии военного комиссариата, было поручено горисполкомом и губкомом партии съездить в штаб отряда Кудинского и категорически потребовать от него, чтобы он следовал из Самары назначенным ему путем. Одновременно мы пошли в воинские части гарнизона. Красноармейцы первого советского полка немедленно же заявили: «Партия большевиков — единственная выразительница интересов трудового народа; мы с оружием в руках заставим замолчать всех, кто будет клеветать на партию; флагом беспартийности прикрываются все враги трудящихся; мы не сделаем ни шагу без партии и руководимого ею городского исполнительного комитета».

Наши политические противники пытались использовать для выступления празднование 1 Мая. Меншевики и эсеры вышли на демонстрацию обособленной группой, под лозунгом: «Вся власть Учредительному собранию!» Максималисты выбросили лозунг «Долой комиссародержавие!». Все говорило за то, что надо действовать немедленно и решительно, переходя от обороны к нападению.

Городской исполнительный комитет в ночь на 8 мая произвел разоружение всех анархистских и максималистских отрядов советскими войсками.

11 мая 1918 г. в пределы Самарской губернии ворвался отряд Дутова. Между станциями Ак-Булат — Бузулук казаки начали разрушение железнодорожного полотна, громя станции и терроризируя железнодорожников. 12 мая губисполком и горисполком обсуждали вопрос о борьбе с казаками. Горисполком образовал чрезвычайный штаб, которому передавалась вся граж-

данская и военная власть в губернии. Сразу же собравшееся экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов утвердило штаб в составе Б. Иванова, А. А. Масленникова, А. П. Галактионова, П. А. Вавилова, Бекмана, И. Пушкова и С. Я. Тиунова.

14 мая издан приказ № 1 за подписью Масленникова: «Контрреволюционные казачьи банды Дутова произвели третий раз набег на Самарскую губернию. Они должны быть уничтожены. Самара объявляется на военном положении; все войсковые части, орудия и другие военные средства поступают в исключительное распоряжение штаба...»

В связи с событиями 14 мая состоялось собрание членов РКП(б), на котором было приступлено к организации боевых дружин.

Между тем анархисты и максималисты на улицах Самары повели агитацию против нас, которая переходила в погромы.

Наш чрезвычайный штаб и штаб прибывшего в Самару Главкома Урало-Оренбургского фронта Яковлева пытались противодействовать. На поддержку буйствующей толпе начали подходить группы матросов из отрядов Кудинского, Смородинова и Северного летучего. Отрядами Кудинского разоружены были милицейские участки, произведен налет на тюрьму. Они выпустили сидевших в ней капиталистов. Захватили почту, телеграфную и телефонную связь. Руководителями матросов являлись анархисты и максималисты.

Созданный в противовес нашему штабу губисполкомовский штаб отменил военное положение, введенное штабом горисполкома. Губисполкомом выпущено было воззвание, что «сконструировалась новая власть», стоящая «на защите трудового народа».

Вечером Главком Яковлев собрал представителей вооруженных частей, в том числе и максималистов, и потребовал у них подчинения своим распоряжениям. 18 и 19 мая силами партийной дружины и советских войск в Самаре был восстановлен прежний порядок. Разоружен Северный летучий отряд, а роты Кудинского сдали оружие. Часть восставших, забаррикадировавшихся в номерах Филимонова, была обстреляна, после чего некоторые мятежники разбежались, а задержанные были отправлены в тюрьму. Среди арестованных были сыновья местной буржуазии.

Вечером 20 мая Главком распустил губисполком и занял здание отрядом красноармейцев. В тот же день горисполком возобновил свои занятия.

28 мая было получено сообщение о восстании чехословаков в Пензе и Челябинске. Для сосредоточения всех действий в одних руках был выделен ревком под председательством Куйбышева. Он издал приказ о введении осадного положения в связи с занятием белочехами Сызрани, подчинил штабу Урало-Оренбургского фронта все находящиеся в Самаре воинские силы. На Яковлева, его помощника П. В. Гузакова и коменданта Самары М. С. Кадомцева было возложено руководство всеми боевыми операциями. Штаб Яковлева был усилен самарскими рабстниками. Мне пришлось принять должность начальника штаба.

Противник, занявший сызранский мост через Волгу, продолжал двигаться к Самаре. 4 июня самарские силы и Уфимский полк встретились с белочехами в районе ст. Липяги. Командование было поручено Кадомцеву. Белочешские части, которыми командовал офицер Чечек, были хорошо вооружены. Произошел бой, в результате которого советские войска были опрокинуты, командующий Кадомцев убит, его помощник, прапорщик из Уфы, фамилию которого я не помню, вернулся в Самару.

На ст. Самара были сосредоточены незначительные воинские силы, вооруженные лишь двумя трехдюймовыми орудиями. Завязался артиллерийский бой, длившийся несколько дней. Главком Яковлев с половиной штабного поезда выехал из Самары в Уфу, возложив руководство по обороне Самары на Гузакова. 5 июня белочехи обстреливали мост через р. Самару и вокзал. 6 июня нам удалось отразить наступление их к мосту. 7 июня шрапнели белочехов рвутся над городом, снаряды падают на Хлебной площади. В ночь на 8 июня выступили контрреволюционные группы белогвардейцев в Самаре. Одновременно навстречу к ним пошли под пулеметным огнем белочехи. 8 июня Самара оказалась в руках белочешской и эсеровско-белогвардейской контрреволюции.

Мы отступили от Самары на Уфу по Самаро-Златоустовской железной дороге. 10 июня на ст. Уфа находился весь штаб Главкома Яковлева. Перед Уфой была поставлена конкретная задача обороны. По решению Яковлева его помощник Гузаков вместе со всем штабом

были срочно направлены для решения оборонных дел в сторону Уральска. Пришлось ехать кружным путем по Волго-Бугульминской железной дороге, через Симбирск и Саратов. На ст. Рузаевка встретились со вновь назначенным командующим Восточным фронтом полковником Муравьевым, левым эсером. Он был в окружении штабной охраны. Держал себя самодовольно и вызывающе. Мы поехали с прежней целью через Саратов в Уральск. В Саратове выяснилось, что для этого требуется сильная экспедиция. Посоветовавшись с саратовскими работниками, мы заказали в железнодорожных мастерских блиндированный поезд, но возможности ждать у нас не было и мы направились обратно в Уфу.

Числа 20 июня были в Уфе. В это время приехал в Уфу полковник Муравьев, на его встречу собрался весь партийно-советский состав г. Уфы. Опять тот же приподнятый тон: «Я не потерплю; мои пули ошибок не допустят». Уехал Главком Восточного фронта без всяких указаний по обороне, оставив только миллион рублей в распоряжении Главкома Урало-Оренбургского фронта Яковлева.

Но Яковлев в течение десяти дней ничего для обороны не сделал. Сам Яковлев в штаб не являлся до падения Уфы. Нам с Гузаковым пришлось самим составить оперативный план и прежде всего укомплектовать штаб обороны, учтя важные недочеты при обороне Самары. Приказом штаба все ответственные работники Уфы были призваны к конкретной работе. Приказ был подписан партийным и военным руководством.

Между тем со стороны Челябинска никаких мер к обороне принято не было; мне как начальнику штаба пришлось поехать в сторону Челябинска до соприкосновения с идущими на Уфу белочешскими мятежниками. Не доезжая до ст. Кропачево, мы обнаружили на этой станции передовой отряд противника. Я пошел в Аша-Балашовский завод, и рано утром собрались рабочие. Обрисовав перед собравшимися положение вещей, тут же на месте сформировали отряд красногвардейцев. Через три часа на Симском заводе также организовалась красногвардейская самооборона.

Вернувшись в Уфу через день, мы вместе с Гузаковым проехали Уфимскую оборонную линию. Все виденное оставляло желать лучшего.

По решению руководства Уфы мною был написан проект приказа, указывающий на реку Юрезань как место сосредоточения Аша-Балашовского, Симского и уфимских красногвардейских отрядов.

2 июля было, однако, подготовлено несколько пароходов на р. Белой к эвакуации; и с вечера началось движение к пароходам.

Наш штаб оставался на ст. Уфа вплоть до отступления арьергардной заставы под ж.-д. станцией Уфа. Утром 3 июля последним эвакуировался на пароход штаб.

В 1924 г. я встретился с Петром Гузаковым, являвшимся тогда секретарем Курского губкома, и с несколькими другими бывшими работниками штаба. От Гузакова я узнал, что бывший Главком Урало-Оренбургского фронта Яковлев оказался предателем, перешел на сторону белых, а когда Колчак был разгромлен, удрал в Харбин. Таким образом, действия Яковлева под Самарой и Уфой были рассчитаны на то, чтобы облегчить мятежникам осуществление их планов.

Август 1957 г.
